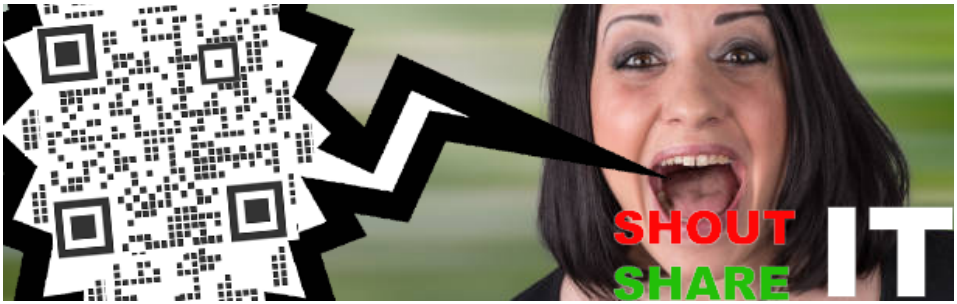
Rockford


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказ «Я могу хоть в валенке дышать!» вошел в Антологию «Шедевры русской литературы XX века», изданную под патронажем Российской Академии наук под попечительством Людмилы Путиной, получившую благославление Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго.

- Владимир Карпов
  -

Владимир Карпов
«Могу хоть в валенке дышать!»

Владимир Александрович Карпов родился в г. Бийске Алтайского края в 1951 году. Окончил Ленинградский театральный институт и Высшие литературные курсы. Член Союза писателей, автор нескольких книг прозы («Федина история», «Плач по Марии», «Нехитрые праздники» и др.), а также сценария кинофильма «двое на голой земле».

Прежде чем раскрыть суть этой исторической фразы, мы должны проснуться ранним утром памятного августовского дня 91-го года.

— Ну, теперь они Ельцину хвост прижмут!.. — с мощным хлопком в ладоши разбудил меня мой громогласный отец.

Он завороженно прихохатывал перед телевизором, держа под мышкой, словно шпагу, мухобойку. И пока я всматривался в экран, где спаянными окислившимися клеммами сидели рядком члены ГКЧП, отец уже митинговал во дворе, причем так, будто перед ним была прорва народу.

— Хвост они теперь ему!.. — вдалбливал он на самом деле одиноко жавшейся к метле дворнице, потрясая мухобойкой, как флагом.

Приехал к нам мой вечный странник-отец с неделю назад, чтобы, как он выразился, «верно воспитать внуков». День-два изо всех сил старался быть степенным, умудренным восьмидесятилетним жизненным опытом дедушкой. Смиренно и ностальгически он раз двадцать восемь кряду рассказал детям об их героическом прадеде, то бишь моем деде и своем отце. В прошлом сельский кузнец, дед вернулся с Первой мировой подъесаулом, грудь в крестах. Левая рука героя после ранения висела плетью, но сердце было озарено идеей социальной справедливости. В гражданскую он возглавил партизанский полк, гнал «банды» барона Унгерна к монгольской границе. В тридцать четвертом был обвинен в левом эсерстве, но выкуплен односельчанами у начальника семипалатинской тюрьмы за два воза с провиантом. Доблестное прошлое пахло керосином, поэтому дед — для детей прадед — умотал в Краснодарский край, где тихо проработал до старости в тире Майкопского городского сада. «Я о-очень умный человек, — скромно подводил

черту рассказчик, — но у меня вполовину отцова ума нет!»

Внучатам было шестнадцать и пятнадцать лет, а наблюдали они своего педагогически настроенного дедушку за эти годы третий раз. В умилительной заботе он, благонравный старичок, собственноручно напек оладушек в дорогу, когда внучечка с мамой отбывали в деревню, настоятельно велел кланяться сватам, которых он хоть и не видал, но ценит. Внучек было навострился под предлогом спортивных занятий уносить свои уши, завидев «педагога», но… все наше личное существование как бы смяла лавина.

Отец часов с пяти начинал бегать по квартире с мухобойкой, изничтожая, казалось, саму возможность существования какой-либо пришлой живности. Словно освежающий душ, он «принимал» утренние блоки радио- и теленовостей, жизнерадостно будил нас политинформацией и с рабочей сменой выходил в народ, в массы, сотрясая заплесневелый ход жизни нашего подмосковного городка, называвшейся в прошлом «затишье».

Дзынь, дзынь!.. — раздался звонок.

На пороге стояла невысокая, ладненькая старушка.

— Александра Степановича, — втянула она голову в плечи.

Я пытался сообразить, в какие дали мог переместиться Александр Степанович, только что манифестировавший у подъезда.

— У меня такие дела, что если бы не ваш папа, — затрепетала, окончательно втянув голову, старушка, — я бы уже повесилась!..

Завиделся и поднимающийся по лестнице «спаситель»: ждать лифт ему не хватало терпения.

— Я не могу так жить, чтобы не голосовать! — загудел он в согласии с историческим моментом, — что я, не гражданин СССР?

Дело в том, что отцу отказали в прописке. Фамилии у нас разные, в моем свидетельстве о рождении значится только его гордое имя — Александр и далее долгий прочерк. Требовалось установление отцовства; для этого нужно было ехать в родные края, то есть на Алтай, в город Бийск, собирать свидетельства очевидцев моего, так сказать, чудесного рождения, делать выписку из домовых архивов тех лет… Отец, правда, предлагал взять его славную фамилию, но, дожив до сорока лет под своей, пусть и скромной, менять — оно как-то и странно. Для меня она звучит как завоевание, фамилия материнского рода Карповых.

При этом отца, не прописывая, поставили на ветеранский учет, на спецобслуживание в магазине, начислили пенсию —

живи, дед! Но что это, действительно, за жизнь, если не можешь голосовать?!

— Нечего резину тянуть! — продолжал отец. — Сегодня же идем к вашему главе администрации! Ты возьмешь свою красную книжечку и ткнешь ему под нос!

— При чем здесь книжечка?! Это билет члена Союза писателей, что я буду его тыкать?

— А на черта тогда он тебе нужен?! — заметил отец резонно. — Ничего, найдем управу! Если что, я им тут всем такой разгон дам, всех их тут по шапке!.. — это было сказано уже полномочным установившейся с утра власти.

Слышно было, конечно, на весь подъезд, с первого этажа по десятый.

— Зайдемте в квартиру хоть, — спохватился я.

— Аннушка пришла! — отец будто только что узнал женщину. — а мы как с тобой разминулись? На лифте поднялась, пока я шел? Это тетя Аня, представил мне отец старушку, — Анна Ивановна. Егор, — заглянул он в комнату сына, — кончай ночевать! Тут, понимаешь, власть переменилась, а он храпака давит! Вставай, баба Аня пришла… У нее такие дела, — повернулся ко мне отец, — что, не будь меня, она бы уже повесилась!.. — Отец рубанул пятерней аккурат над старушкиной шеей.

— Сноха у меня… — затряслась в согласии та.

— Имела, понимаете ли, отдельную квартиру — нет, решила сыну помочь, съехались, а они, сволочи, оттяпали квартиру и давай ее со света сживать! Ветерана труда!.. — обращался отец, судя по всему, уже ко всему разумному человечеству. — Ты, конечно, тоже виновата: неверно воспитала сына… Мне было много проще: в прошлом я сельский учитель.

Учителем в селе отец работал когда-то до войны, в молодые годы, но сейчас он представал воспитателем с большим педагогическим опытом, а я, соответственно, — очень верно воспитанным.

В моем воспитании отец действительно принимал самое живое участие, ибо в любое застолье родственники наперебой вспоминали о его «подвигах», да и сам он не забывал о нас с мамой, посылая открытки с разных красочных широт.

— Но мы найдем на них управу! — вновь выступил уполномоченный новой власти, подсекая мухобойкой на лету какую-то зазевавшуюся тварь. — Они у нас прижмут хвосты!..

Медлить отец не умел. Посох в руки — и вперед! Посохом же ему служила… лыжная палка, конец которой он регулярно подтачивал напильником. При этом пояснял: «Силы уже не те, а

гадов развелось — много!»

Русский человек — творение державное. Поэтому опустим весь тот наворот переживаний, в которых я остался все перед тем же светящимся экраном телевизора, где правительство ГКЧП уже, кажется, сменили маленькие лебеди. Коснемся лишь одной их стороны.

«Как всегда, не хватало одной комнаты и пятисот рублей денег», — все настойчивее являли свою нестареющую силу слова классика русской литературы Л. Н. Толстого. Можно было утешиться той мыслью, что если уж ему, графу, не хватало, то нам ли роптать?! Но «ковды» ни рубля, а ожидаемая мной работа в самой крупной и престижной газете страны — «Красная площадь» — в связи с новыми историческими обстоятельствами могла накрыться медным тазом, то, знаете ли… Да, кстати, вот чего вы действительно можете не знать, так это того, что должна была в стране появиться такая газета: «Красная площадь». Газета президента! По сему поводу мне, некогда исключенному из рядов ВЛКСМ, довелось побывать на Старой площади и даже сфотографироваться на будущий пропуск и загранпаспорт, позаимствовав для этого галстук у сотрудника аппарата президента СССР. Газета по замыслу должна была стать ведущей, и кадры подбирались — посудите сами — с умом. Скажем, я ведь не только в КПСС не был (а звали!), но и к диссидентству не лип. Не слышу оваций!.. Это я к тем, кто сначала под шумные аплодисменты вступал, так сказать, в передовые ряды, а потом под гул рукоплесканий сжигал свои партийные билеты. Когда же нам-то, ребята, будут аплодировать? Словом, был моментик, когда и я уж куда-то готов был влезть, влиться в структуры, и замысел всего этого, если уж серьезно, в самом деле был недурен. Но, как выразился бы мой тятя, Михаил Сергеевич все тянул «рязину». Вот вернется, говорил «сотрудник», подпишет документы, и начинаем; вот съездит… вот отдохнет в Форосе… Я в горячке чувств статьи штуки три написал, рубрики предлагал: «Торговые ряды», «Лобное место»… Сюрреалистический очерк стал придумываться о дедушке Ленине, который лежит там, на Красной площади, и все видит, слышит, а ночами ведет душещипательные беседы с упокоившимися здесь, в центре державы: с любезным «батенькой» Стенькой Разиным, с Тимошкой Анкудиновым, величайшим «батенькой»-проходимцем… Короче, очень было похоже на то, что к беседующим в моем не написанном очерке мог присоединиться и «батенька», отдыхающий в Форосе…

Я стал звонить Б. - обозначим так упомянутого выше сотрудника аппарата, — но, естественно, никто не ответил.

Причем в трубке раздавались короткие гудки, усиливая тем самым ощущение абонированной, контролируемой уже кем-то ниши. Теперь в голову настойчиво лезли слова другого Льва Николаевича — Гумилева, который любил говаривать, что, мол, пессимисты считают, будто сейчас очень плохо, очень, а он оптимист и полагает, что нет, может быть и хуже…

— Егор! — вернулся отец. — Ты что, еще дрыхнешь?! Пойдем телевизор покупать!

— Какой телевизор? Зачем?

— Напротив по улице старушка живет. Настенька. У нее голова немного трясется, но это нам все равно. Человек о-очень хороший. Однокомнатная квартира у нее, детей нет. Решили сойтись. Сейчас сходим с Егором, купим телевизор — без телевизора человек жил, а я же без «Вестей» не могу! — и к ней переселяюсь.

Я же еще не отошел от прежнего сюжета, попытался было выяснить, как дела у той, предыдущей старухи, у «Аннушки» или «бабы Ани», разобрался он с ее сыном и снохой? Но отец жил только настоящим. Уже вытаскивал откуда-то из-под подошв сандалий деньги, отсчитывал.

— Зарегистрируемся, я пропишусь, квартиру Егору завещаем, — решал он разом проблемы.

Дед и внук, без пяти минут наследник Настенькиной квартиры, удалились. А в моем подпорченном воображении так и зависла болтающейся в петле маленькая, ладненькая бабка.

Меж тем мне надлежало перенестись мыслью в XVII век, к истории жизни Ерофея Хабарова, мой сценарий о котором был принят к постановке на киностудии имени Горького, — и это было чуть ли не последней связью с востребующим мои возможности миром. Но перед глазами вместо старушки появлялся болтающийся в том же положении маятником Михаил Сергеевич, а то вдруг и я сам или даже вся страна — словом, не то крыша ехала, не то сюрреализм все более овладевал мной.

— Пойдем, — в трепетной сопричастности к случившейся у деда внезапной любви вошел мой сын, — нас дедушка и баба Настасья приглашают в гости.

На столе уже был чай с коврижками. Но главное — в подсыревшем углу однокомнатной хрущевки стоял новенький черно-белый телевизор «Рекорд». А рядом — дедка с бабкой. Ну, дедка-то известный — руки раскинул хозяином: вот-де живем пока так, но все отремонтируем, оклеим, покрасим, перегородим!.. А бабка, крупная, с чуть покачивающейся ритмично головой, зарделась, радехонька, и себя не знала куда деть, и неловко ей, и в совершеннейшей почтительности на своего

такого удивительного, уж нежданного-негаданного суженого поглядывала.

Мне очень хотелось верить, что отец действительно наконец-то остепенится, осядет, будет жить с этой, по всему видно, доброй бабой Настасьей. Хотя, конечно, как-то зять, муж моей сестры, стал подсчитывать, сколько у нашего тяти было жен только в поселке Молдавановка, где они живут, в Киргизии, — так пальцев на руках не хватило!.. А отец прошил на несколько рядов всю страну, особенно ее южные земли, и везде у него были жены, о которых он никогда не вспоминал и не печалился. Казанова против тяти робкий «вьюнош»!

— Так что, Настасья, теперь и у тебя есть дети, внуки!.. Есть для кого жить! Полноценный член общества! — завершал тираду благодетель.

В идиллическом взаимопонимании, за чаем с вишневым вареньем оставили мы с сыном молодых. Дома меня ждал конверт с обратным адресом киностудии имени Горького. Предчувствие не обмануло: «В связи с тем, что историко-экологическое творческое объединение „Мир“ переформировано в творческое объединение „Ладья“, ориентированное на выпуск коммерческих фильмов…» Не знаю, много ли «Ладья» собрала дани, но белые струги Ерофейки Хабарова, «сиротинушки государевой», как он себя жалостливо называл, растворились в мороке, так и не отчалив. Ничто не ново под луной. «Токмо и говорите: как куповать, как продавать, как блуд блудить!» — эти обличения протопопа Аввакума, современника Хабарова, я и успел с утра вписать в свой сценарий. Но это было слабым утешением. Вот разве что ГКЧП…

— Егор! — сотряс квартиру голос отца. — Пойдем морду бить!

Сын серьезно занимался боксом, но ему было шестнадцать. Отправлять его с дедушкой «бить пьяную сволочь», которой, как выяснилось, последний уже дал бой на территории бабы Насти, мне показалось странноватым. Пошел сам. Тем более что ничего иного вроде бы уже и не оставалось, как только морды бить.

В комнате бабы Насти на выцветшем диванчике чин чинарем сидел милиционер…

— Ты что, милиционер? — опешил отец.

— Капитан, — выставил тот погон. — Специально для тебя, дед, сходил, форму надел.

— А почему пьяный?!

— Выпивший, — уточнил капитан. — Я не при исполнении, имею право, как все люди.

— А почему был не в форме?! К народу хочешь примазаться?

От ГКЧП бежишь?

У капитана так и отпала челюсть.

— Он… — продралась баба Настасья сквозь озноб, — в Москве живет. Племянник.

— Ты же говорила, что у тебя никого?! — требовательно изумился отец.

— Детей нет. Сестра есть, здесь живет, сын ее…

— Ну и ухаря ты, тетка, нашла! — наконец-то пришел в себя племянник. — Я прихожу, ну выпивший, правда, немножко, — стал он объяснять мне, — к матери приехал, дай, думаю, к тетке зайду. А ключ у меня от квартиры свой: ну мало ли, пожилой человек… Тетка родная, всю жизнь душа в душу!.. Открываю, а тут дед на меня с лыжной палкой!..

Разобрались миром. Хотя точку поставил все-таки отец, показав себя хозяином: «Хочешь прийти — приходи трезвый, хоть и милиционер».

Но лад уже был нарушен. Обеспокоенного оставил я отца, как бы набухающего изнутри. И скоро он явился в раздумьях:

— Настасья, ничего не скажешь, человек хороший. Но подвержена дурному влиянию! Пришла сестра ее, мать этого пьяницы милиционера, слышу, на кухне они шу-шу, шу-шу. Нет, говорю, господа хорошие, так дело не пойдет. Это не по-нашему. У нас тайн нет: хочешь сказать, говори открыто! А она мне, сестра ее: зачем, говорит, вам расписываться, так живите. Они думают, что я у нее хочу квартиру оттяпать. Да у меня их тысячи, этих квартир, могло быть, но я всегда уходил с одним саквояжем!..

Исполненный вопроса, отец удалился. Еще через полчасика сомнения были решены.

— Я бы его проткнул, если бы он не был милиционером! — влетел тятя. — Прихожу, а он уже там. Как хочешь, говорит, дед, а я тебе прописываться не дам. Ах, говорю, вы, сволочь такая, всю жизнь из нее соки сосете и сейчас ждете, когда она помрет, чтобы квартирой завладеть! А то не хотите понимать, что человек хоть под старость лет счастье свое нашел! Скажи, говорю, ему, Настасья! А эта дура сидит и только головой трясет!.. Да на черта тогда она мне такая нужна?! Айда, Егор, унесешь телевизор!

Утром приехал из Минска племянник, сын моего брата. Совершеннейший красавец, с естественной утонченностью, с изяществом манер: все в нем скромно, лаконично, без перебора. Этой врожденной аристократичностью всегда поражал меня и брат. При одном отце матери у нас разные. Можно предположить, что унаследованную точеность черт отцовского рода облагородила в брате материнская кровь. Но ведь все равно мать-то его также из самой что ни есть глухой сибирской деревни! Я

долго полагал, что из ссыльных нанесло, пока однажды не пригляделся к фотографиям русских крестьян. А видели ли вы, скажем, фотографию Петьки — офицера Петра Исаева, ординарца Чапаева? Или самого Василия Ивановича? Посмотрите. Страшный анекдот открывается, сюрреалистический опять же… Иконописные лики, царственная стать… Только такая добрая людская порода и могла размахнуться на одну шестую часть земли.

Думал я об этом, в отсвете политических катаклизмов глядючи на своего племянника. Он же своими длиннющими руками доставал из изящного рюкзака и ставил в ряд часы: полуметровый филин из резного дерева держит в когтях циферблат — собственное рукоделие. Привез он их из Минска на продажу, но надо ж было так подгадать! Весь минувший день ходил с черным филином в руках по Арбату, все более недоумевая, почему от него в стороны шарахаются люди.

Все сотворенные племянником филины мистически напоминали российского президента, при этом стрелки зажатых в когтях часов смотрели в разные стороны, как бы символизируя сбившееся течение времени.

— Однако… Антон?! — появился отец. Он уже отбегал с мухобойкой, отрапортовал мне политические новости, просветил дворницу, дал кругаля по городу и вернулся, заряженный бодростью. — Ого-го-го, какой вымахал!

Дед и этого внучонка видел лишь в раннем детстве, но узнал сразу.

— Твоей резьбы? — признал он и рукоделие. — молодец! В нашу породу! А здесь надо было бархоткой…

Посмотрел еще мгновение, отстранившись, и перешел к делу.

— Так, говорить будем после, айда, Антон, телевизор мне поможешь донести. Они меня, понимаешь, здесь не прописывают, я ухожу к женщине. Она живет одна, дети отдельно. Молодая, на четырнадцать лет моложе. Но это нам ничего. Образованная, не то что эта, голова трясется… У нее телевизор есть, но квартира двухкомнатная: она захотела отдохнуть, а я же без «новостей» не могу — я включил себе и смотри!..

К новой жене — с другим внуком! Благо, телевизор небольшой. Поднял его Антоша во весь свой рост, поставил на плечо, и подались.

На этот раз пассия отца жила на другом конце города, поэтому племянник вернулся нескоро. С деликатной, как бы таящейся улыбкой рассказал, что бабушка «подкрашенная», «с укладкой», приняла его довольно любезно, долго расспрашивала, а потом выдвинула условие, что с дедушкой она зарегистрируется

только в том случае, если тот переведет на ее сберкнижку все свои сбережения… Отец с полгода назад продал однокомнатную хрущевку в Узбекистане, время перемен позвало его в Россию. Она и изначальная сумма была копеечной, но инфляция и ее объела, и теперь, после покупки телевизора, у него оставалось по тем ценам примерно на кожаный пиджак. Но отец в этом смысле жил по послевоенным меркам и казался себе богатеем. Как, впрочем, и редкостная его мастеровитость выражалась в нем на послевоенный лад. Увидел, скажем, что на двери лоджии нет ручки, располосовал большую консервную банку, скрутил, такую присобачил, чтоб уж взяться, так взяться!..

За день я замучил телефонный диск, тщетно пробиваясь к Б., человеку *оттуда*, где меняют режимы в стране. Племянник и сын обошли коммерческие лавки нашего городка, довольствуясь все тем же мистически пугающим эффектом от демонстрации черных филинов с часами в когтях.

Отец объявился лишь к вечеру. Непривычно озадаченный, приглушенный. Заметно обозначились старческие, потянувшиеся к ушам плечи. К прежним условиям образованная, молодая жена добавила новые требования: суженый должен оформить ежемесячное перечисление на ее расчетный счет своей ветеранской пенсии, по крайней мере ее семьдесят пять процентов… Что-то отцу в понимании происходящего было явно неподвластно.

— К Настеньке сейчас по пути завернул, — с нежнейшим трепетом признался он, — родня ее набаламутила и убежала. И сидит опять старуха одна, головой качает…

Не знаю, как он провел ночь, но еще светало, когда раздался звонок. На пороге был отец с телевизором в инвалидной коляске.

— Будить вас не стал, у Ивана, под вами живет, коляску взял: он каждый день в пять жену на прогулку вывозит… Пойду верну.

Автобусы еще не ходили, получалось, он уже дважды сносился туда-сюда, прикатил через весь город телевизор! Н-да!.. Однако и ночка была у молодых!

Пояснять отец ничего не стал. Лишь сказал, энергично растопырив пятерни:

— Не та тут у вас в Москве старуха! Не та!

К началу рабочего дня он вернулся к прежней установке: с красными книжечками к главе администрации.

— Я ему свою ветеранскую, а ты свою — бахнем ему об стол!

Прежний наш разговор все-таки возымел действие, и отец отказался от мысли тыкать книжкой в нос.

— Да этот глава, поди, сидит там сейчас, хвост прижал! — Я становился изощреннее, овладевая отцовской терминологией.

Это убедило. Мы отправились не в администрацию, а в паспортный стол.

Я пристроился было к очереди, но тятя — ветеран! — процокав лыжной палкой о керамическую плитку, вошел прямиком в кабинет начальника. И скоро из кабинета раздался душераздирающий крик:

— Пропорю, гад!

Я опрометью бросился на голос, распахнул дверь и увидел: полный человек в форме майора милиции, вобрав в себя живот, стоит у белой стены, за креслом, а дед, неистово потрясая палкой, целится в него блистающим острием. За другим столом, в углу, также белый и прямой, как бы завис сержантик.

— Я что, дурака перед вами валять пришел?! — наступал дед. — Вова, покажи ему руку! — отец схватил меня за запястье, ткнул ладонь в глаза майора, а рядом выставил свою пятерню. — На, смотри, одна рука!

Довод действительно был неоспорим: похожи руки!

— Я не сомневаюсь, что это ваш сын, — ласково заговорил майор, выворачивая глаза на палку, — но, к сожалению, в нашем обществе пока еще существуют некоторые формальности… — теперь он умоляюще смотрел на меня.

— Отец, давай я сам с ним переговорю, с глазу на глаз, покажу ему свою красную книжечку… — все точнее улавливал я убеждающую отца аргументацию. Да, видимо, и его собственный довод — одинаковые пятерни, хотя при старчески исхудалом запястье пальцы отца были толще, натруженнее, — не мог не убедить человека. Не слепой же!

Отец вышел. Майор, вытирая испарину, все тем же странным для представителя столь почтенной профессии вкрадчивым голосом принялся мне объяснять то, о чем я уже слышал в ЖЭУ и в суде.

— Но проще всего для вас, — дополнил он, — оформить опекунство, как на чужого пожилого человека, нуждающегося в уходе… — Майор чуть помолчал и добавил: — Не обижайтесь, но просто по-человечески хочу вам сказать: хорошенько подумайте, прежде чем прописывать такого папу…

Очередь перед кабинетом живо интересовалась отцовской пятерней, и мне также пришлось представить ей и свою, подтверждая, как это мы здорово все объяснили начальнику.

— У тех детей, от первой жены — она молодой умерла, — рука в мать! Хотя с лица они на меня пошибают! — растолковывал отец. — А у этого, хоть и фамилия у него материна, рука моя! Против не попрешь!

На улице отец обнаружил, что паспорт его у меня, без

изменений, и он все так же не может голосовать, да еще и нуждается в опекунстве.

— Дрянь тут вы все! — зашагал от меня дед размашисто и прочно.

Меж тем в центре столицы, как фаллические символы власти, уже стояли с поднятыми дулами танки. А безвестный генерал Лебедь, возглавлявший колонну, плутал в это время в коридорах власти, как он признавался позднее, отчаянно пытаясь выяснить, где враг.

Отец же мой, как и весь народ, узнавал о происходящем через электронные СМИ, которые четко объявляли, что танки вошли для осады «Белого дома». Теперь он магнетически прилип к своему персональному телевизору, то присаживаясь, то вскакивая с резким взмахом мухобойки и на удивление кратким комментарием: «Резинщики!»

Пропустить, не стать участником событий мне показалось непростительным. Отправился в Москву. На автобусной остановке, словно врезной кадр в действительность, бросилось в глаза свежее объявление со знакомым красивым, размашистым почерком и характерными словосокращениями: «Старик 79 лет. Хожу с палочкой, но еще крепкий. Пенсия большая (инв. ВОВ). Жилья нет. Ищу спутн. жизни с жил. пл. Обращ. по адресу…» И далее улица, дом, но не указан корпус и квартира. Дом же у нас десятиэтажный, с шестью подъездами, а рядом, как раз под указанным номером, без корпуса пятиэтажка… И таким вдруг вопиющим одиночеством дыхнуло это объявление странным, необъяснимым сопротивлением чему-то!.. Сидит там старик наедине с историческими катаклизмами, ни прописки ему, ни старухи путной… Ткнется какая в его объявление — и сразу понятно: хоть и большая пенсия, а уж в маразме.

Вернулся, по возможности не нажимая на момент склеротичности, сказал, мол, у нас ведь не просто дом номер, а еще и корпус, квартира…

— Это я специально не указал, — проявил отец небывалую ясность ума. — Кому надо — найдет!

По пути на электричку я обнаружил еще два-три точно таких же объявления — закодированных! И дальше ехал уже спокойным за отца, в дни потрясений все-таки исполненного ожидания «той», настойчивой, неостановимой, которая прошерстит два многоэтажных дома, но найдет его, еще крепкого, хотя и с палочкой…

Воодушевленные массы даже на футбольном стадионе меня всегда вводили в уныние, а среди скучившихся для борьбы за права и свободы личности нашло одно ясное ощущение: подай я,

конкретная личность, сейчас хоть голосок против — так из самых искренних побуждений под своими высокими знаменами и затопчут…

Ночью я ввалился к другу, живущему на Арбате: тот сидел перед включенными телевизором и транзисторным приемником и знал о происходящем лучше меня — на экране по кабельному телеканалу шла информационная строка, а радио вело прямой репортаж с мест наиболее динамичных событий, будто со спортивных состязаний, где заранее известен маршрут (вторичная аналогия со спортом — случайность). Организацию эфира я оценил впоследствии, когда новые обстоятельства жизни меня сделали радийщиком.

От друга же, несмотря на поздний час, я позвонил Б., просто набрал номер по инерции. И, к полному изумлению, мне ответил его совершенно бодрый, оптимистический голос: мол, все нормально, газета у нас будет, вот вернется шеф из отпуска, подпишет и… То ли он темнил, рассчитывая на чужое ухо, подумалось мне, то ли с высоты не всегда виднее?.. Там солнце, вершины слепят и не разглядеть, что здесь, внизу, все уже потекло и поплыло… Однако напряжения в ожидании развязки событий добавилось: может, все-таки ему что-то особенное известно?

К рассвету я захватил боевой люд в ликовании на площади, которая скоро получила соответственное название — Свободы. И так воистину романтически, чисто светились глаза! Лица были одухотворенны, полны чувства значительности свершенного!.. Во многих, если не в большинстве, из ратников новых свобод угадывались представители НТР с их характерными очечками, аккуратными бородками, гладкими стрижками. Они в эти дни оказались самым революционным классом; тогда им, будущим челнокам, рыночным торговцам или даже создателям АО, наверное, мерещились честно защищенные диссертации, открытия, признание…

Празднично гремела музыка. На высоком крыльце «Белого дома» название, также появившееся в те дни и, по существу, выражающее их дух, раскованно и грациозно танцевал парень. И скорее всего, его не нанимали. Восторг!..

Наиболее активные, или непримиримые, вскрывали люки брошенных бронетранспортеров, зорили, раздавали патроны на сувениры подступающим с разных концов горожанам или, точнее, россиянам.

Взял и я патрончик. Но в электричке, по пути восвояси, стал он мне мешать, как дурной знак. Да и не хотел я, чтоб он лежал у меня дома, этот патрон! Выкинул я его из окна в высокую траву.

Вагон был полупустым. Люди дремали. Несколько мужиков, то ли бригада, то ли постоянно ездящие в это время по одному маршруту, собравшись кружком, привычно расписывали пульку.

В автобусе мне показалось, что я попал в монолит: на смену ехали заводчане. Молчаливо, обыденно. Будто не было минувшей ночи, а я возвращался из фильма, который здесь не показали.

Я подходил к дому, представляя чувства отца. Как бы там ни было, советская эпоха — это вся его жизнь! Воззвания ГКЧП — еще и признание ее ценности…

— Ха-ха! — раздался передо мной все тот же мощный хлопок в ладоши, едва я раскрыл двери. — Всё! Конец ГКЧП! — раскинул отец матерые пятерни. Ну, теперь им Ельцин хвосты накрутит!..

* * *

Через недельку отец уехал, ибо ко всем прочим разочарованиям у нас еще и погода «завшивела».

Объявления его еще долго висели по всему городку, шелестя на осеннем ветру отклеивающимися концами. И каждый раз, когда я натыкался взглядом на выцветающий знакомый текст, в моем воображении взвивался маленький смерч, который бежал каруселью пыли по земле неведомо куда и зачем.

Но самое удивительное, не поторопись отец, то и в нашем городке обрел бы так необходимое ему право голосовать: две старухи по этим его объявлениям все-таки приходили!

Однако он уже нашел себе спутницу жизни в любезных ему южных широтах, где, видимо, «той» старухи — как арбузов на бахче!

Я в его краю, под Ташкентом, оказался два года спустя. Был у меня всего день. Полуобморочный от сорокаградусной жары, нашел я нужный дом, квартиру. Писем от отца не было с полгода, что не в его характере, поэтому нажимал звонок я с некоторой опаской: над годами никто не властен… Дверь открыла невысокая, костистая старуха, видно, из сибиряков, которые здесь составляют большинство русского населения.

На мои слова она потянула голову и подставила ухо.

— Александра Степановича! — прокричал я.

— На кладбище, — махнула она и жалостливо склонила голову набочок.

Так я привык, что где-то бродит чудак человек по белу свету, от которого я и произошел, — меня всегда это удивляло, особенно когда смотрел на него со стороны, чувствуя себя совсем иным, другого рода. Вот дядьев по матери или даже чужих по

крови мужей ее сестер, с кем рядом вырос, — тех сразу ощущал кровно родными. А отец — это миф, образ, блуждающий мираж… Неужели?!

— Я сын его! Сын! Из Москвы…

Она, всплеснув руками, пошла впереди. Шагала споро, бодро.

Кладбище оказалось рядом, за ближайшими домами.

— В лихую годину родилась Авдотья Никитична!.. — раздавался над могилами, сотрясая жару и сам вечный покой, зычный знакомый командный голос. Родной.

Отец стоял во главе похоронной процессии.

— Всю жизнь она бережно хранила любовь к земле великой среднерусской Смоленщины, — взмахивал он рукой на манер полководцев, — но последний приют нашла в земле братского суверенного Узбекистана!..

Увидел меня, распахнул обе руки, подняв и неизменную лыжную палку.

— Господа товарищи, ко мне приехал сын, представитель России.

Торжественно меня обнял, как представителя. Его нагнала женщина, стала давать ему деньги.

— Не надо мне этой дряни, — отмахивался отец.

Но женщина все-таки сунула ему свернутые бумажки в карман.

— Деньги — говно, — продолжал по пути отец. — Могу зарабатывать — три семьи кормить! По два-три раза на дню приглашают на выступления. Денег иные дают немерено, я стараюсь не брать. Особенно доллары эти презираю. Суют!..

— Красненькую взять? — подсуетилась заискивающе старушка.

— Мои дети — не пьют! — прибил нас отец обоих со старушкой к земле. — Глухая, понимаешь, совсем, а выпивает! Сошлись — еще вроде слышала все, а сейчас глохнет и глохнет!..

Еще бы!..

— А у меня во! — отец по-детски ощерился, показывая… о Боже!.. проклевывающийся ряд молочных детских зубов! — В восемьдесят лет стали расти. Двадцать семь зубов! Я пять за жизнь выдирал, так те не растут, а которые сами выпали, стали расти. Но они сейчас медленно растут, не как у младенцев. Вот за год всего как выросли. Года три, мне врач сказал, расти будут.

— Так тебя, может, в книгу Гиннесса?

— Нет. Такое бывает. Не часто, но бывает.

Старушка пошла домой, а мы с отцом прямиком отправились на рынок. Действительно никогда не считавший деньги отец рядился за мелочь до ругани. Дыни он царапал ногтем, проверяя

зрелость, и почти каждому из торгующих «дал нагоняй» за то, что рано сорвали или долго везли… Это было время, когда по всей нашей распавшейся стране катились волны националистических распрей. И я ждал, что кто-то из продавцов-узбеков скажет, мол, дед, дуй к себе в Россию и там указывай! Ничего подобного! «Аксакал, понимает», уважительно кивали они головами.

Наконец он выбрал две дыни. Я взял одиннадцатикилограммовую, а отец семикилограммовую. Жара меж тем вошла в полную полуденную силу. Ладно, если бы мы были где-то в селе, среди деревьев и саманных домиков. Но в центре пробетонированного города, где от зноя исходит пеной асфальт, едва поспевая за отцом, я взмолился:

— Как ты можешь тут жить?! Дышать же нечем!

И тогда отец сказал мне слова, пред которыми мог бы обезмолветь сам Сократ. Родившийся за год до Первой мировой, переживший на веку несколько войн, революций и социальных формаций, в умопомрачительную жару шагая размашисто впереди с лыжной палкой и семикилограммовой дыней, он огласил окрест:

— Я могу хоть в валенке дышать!